

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.Б. ЛОБАНОВА-РОСТОВСКОГО И Н.П. ИГНАТЬЕВА В ПЕРИОД РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1878-1879 гг.

Е.С. Фёдорова

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова.
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1.

Успехи во внешней политике России XIX в. были значительны благодаря усилиям дипломатов Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского и Николая Павловича Игнатъева. Игнатъев был опытным тактиком, высоким профессионалом, владеющим военным искусством. Ему была присуща дипломатическая хитрость. Иногда Игнатъев проявлял авантюризм. В основном эти качества обеспечивали ему удачу на дипломатическом поприще. Однако Игнатъеву не хватало исторических знаний. Именно в дипломатических переговорах во время русско-турецкой войны 1878-1879 гг. эта лакуна помешала его успеху. Он настаивал на идее панславизма, не учитывая заинтересованность Европы в мощи и влиянии Османской империи как части международной системы силовых противовесов.

Лобанов-Ростовский был выдающимся стратегом. И ему были присущи уклончивость, искусное умение убедить в своей правоте. Вместе с тем роль исторических знаний в его дипломатической практике была огромной. При заключении окончательного Константинопольского договора ему помогли фундаментальные «фондовые знания», позволявшие адекватно оценить геополитическую обстановку. История научила его, что иногда нужно действовать стремительно, а в некоторых ситуациях проявлять величайшую осторожность. В ситуации русско-турецкой войны он ставил перед собой только конкретные цели. Если Сан-Стефанский предварительный мирный договор 1878 г., подписанный графом Игнатъевым, общеизвестен, то об окончательном Константинопольском договоре, подписанном князем Лобановым-Ростовским, до сих пор крайне мало упоминают. «Берлинский трактат великих держав» 1878 г. лишил Россию значительной части приобретений, которых она добилась по Сан-Стефанскому договору. Для решения важных общих и конкретных задач новый посол должен был обладать в первую очередь развитой способностью налаживать отношения с людьми. Вся совокупность личностных черт Лобанова привела его к убедительному успеху. Им стал окончательный Константинопольский мирный договор 1879 г., в результате которого возникло самостоятельное государство – Княжество Болгарское.

Ключевые слова: Константинопольский мирный договор 1879 г.; Николай Игнатъев, высокий профессионал-военный и разведчик; Алексей Лобанов-Ростовский библиофил, генеалог, историк и министр МИД Российской империи.

Имья дело с дипломатическими инициативами двух бесспорно выдающихся политико-дипломатических деятелей, каковыми являлись князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский и граф Николай Павлович Игнатъев, мы увидим, сколь существенную роль в той или иной дипломатической ситуации сыграли специфические черты личностей обоих.

ИГНАТЪЕВ

Игнатъев – с раннего возраста военный, окончивший пажеский корпус и Военную академию. Гусар, ибо обладая умом неординарным, он проявлял гусарство в том понимании, в котором это слово, во всём объёме положительных и отрицательных смыслов, известно русскому читателю – от романтической поэзии до фольклора. То есть умел проявлять отвагу, имел склонность и способность к риску и порой в нём отмечали даже некоторый авантюризм. С другой стороны, ему была присуща дипломатически уместная хитрость, умение «усыпить бдительность» оппонентов, достоверно привести их к нужным ему выводам. Сумма, казалось бы, противоречивых качеств личности Игнатъева, быть может, в другом роде деятельности сказала бы негативно, однако была благоприятна для избранной дипломатической стези. Эти черты были помножены на широкий кругозор в области военного дела (Игнатъев один из немногих своих современников закончил Военную академию с серебряной медалью), а также и на недюжинный ум, и приводили, в основном, к удачным профессиональным результатам.

Как известно, уже в возрасте 24 лет, в 1856 г., будучи участником Парижской мирной конференции, Игнатъев сумел

убедить всех представителей стран-участниц провести такую новую границу России, которая бы включала большую часть болгарских колоний, не отдавая переселенцев Турции, откуда они постоянно бежали под защиту России. В течение двенадцати лет (1864—1876 гг.) Игнатъев был послом Российской империи в Османской империи, и, как говорит современник, умел завоевать такое положение в глазах турецкой знати, что «в действиях своих был почти полным хозяином». Здесь важно мнение дипломата Ю.С. Карцова: «Главною и неизменною целью игнатъевской политики было разрушение Турецкой империи и замена её христианскими, предпочтительно славянскими народностями. ... Умозрительным политиком Н.П. Игнатъев не был: с принципами и отвлечённостями он обращался довольно бесцеремонно. Политическому мирозерцанию его недоставало глубины исторического чернозёма» (курсив мой — Е.С.Ф.) [Карцов, 1915: 11].

ЛОБАНОВ

В сложной ситуации конфликта держав Алексей Борисович был назначен Чрезвычайным и полномочным послом в Константинополе (1878—1879). Он обладал необходимой решительностью и «быстротой ума», одновременно раздражающей современников, но полезной для дипломатии «уклончивостью» [Лобанов-Ростовский, 2010: 374], а также постоянной собранностью, которую недоброжелатели называли «сухой, быстротечной и чопорной манерой вхождения в дело» [Ламсдорф, 1991: 163]. Однако он имел в распоряжении и некоторые другие качества, позволившие ему в русско-турецком конфликте выстроить более глубокую и осмотрительную линию.

Конечно, приведенные выше черты характера обоих послов в Турции – обычно присущи в той или иной пропорции для большинства дипломатов высшего класса. И Лобанову было присуще умение «усыпить противника». Недаром, учась в Царскосельском лицее, он участвовал в школьных спектаклях, возможно, умел «войти в роль», помимо того, был специально обучен, как и все воспитанники, непринуждённой и естественной манере поведения, которая располагает собеседника к коммуникации [Кобеко, 2008: 339]. И по обстоятельствам – риск иной раз ему был свойствен, а в других случаях – осторожность.

Однако, если идеей Игнатьева оказалась «разрушение Турции, замена её христианскими, предпочтительно славянскими народностями», и мы понимаем обоснование: граф искренне сочувствовал угнетаемым братьям-славянам на Османской территории, то вот современник князя замечал: Лобанов, как пишет современник (и это высказывание приводит Иван Сергеевич Кушнарёв), автор единственной диссертации о деятельности Лобанова, датированной 2008 г., «не тормозил турок, как это делали другие послы, не возбуждал новых вопросов и держался главных линий, данных ему инструкцией... Такою манерою приобрёл он расположение султана Абдул-Гамида, как ни один посол ни до, ни после него» [Кушнарёв, 2008: 61]. Ещё в ту пору, когда султан был наследником, а Лобанов служил в посольстве Константинополя, князь ставил перед собой только конкретные цели заключения мира, не замахиваясь на идеи панславизма, как это делал Игнатьев.

Что же отличало Алексея Борисовича в принятии более обдуманной линии поведения в Константинополе? Мы бы сказали современным языком: фундаментальные «фоновые знания», позволявшие адекватно оценить геополитическую обстановку. Лобанов очень много читал и знал в первую очередь обширную историческую литературу (его коллекция редких изданий насчитывала при его жизни около 9000 экземпляров). Он с детства очень любил историю. Не толь-

ко любил, но занимался ею в течение всей своей жизни [Ковригина, 2010: 30]. Здесь важно отметить, что близость его к императору Александру II с юных лет позволила пользоваться и изучать различные архивные документы, в том числе и остающиеся тайной для всех, династические тайны Романовых. В конце концов, исторические занятия стали систематическими занятиями профессионала. Лобанов имел многолетние навыки работы с историческими документами, первоисточниками [Сидорова, 2014: 118].

Из естественного интереса любознательного ребёнка к старшему поколению его круга, к тому, как они жили, выросли занятия генеалогией. Особенно бережно князь относился к историческому достоянию России – угасшим родам. И как известно, Лобанов стал автором известнейшей генеалогической книги, тотчас при выходе ставшей библиографической редкостью [Ковригина, 2010: 30]. Более того, накопленные знания при работе с рукописями побуждают Алексея Борисовича стать последовательным очеркистом-историком. В течение 16 лет, в 1873-1888 гг., он публикует плоды своих исследований в журналах «Русская старина» и «Русский архив», посвящая очерки деятельности и роли, например, князя Лопухина, Бирона, графов Зубовых, то есть, умея объять мыслью широкоохватный исторический материал.

Существуют исторические сочинения Лобанова по французской истории, изданные в Париже и на французском языке. Надо отметить, что деятельность Лобанова-историка была весьма одобрена современниками, что сказалось, в частности, в избрании его в 1876 г. почётным членом Императорской академии наук. А на современном уровне этот род деятельности Лобанова совершенно выключен из научных исследований [Ковригина, 2010: 30]. Для чего, говоря о более уместной, осторожной и оправдавшей себя стратегии Лобанова в отношении Турции, мы коснулись его занятий историей? Полагаю, исторический фон играл роль в практических решениях князя. Колоссальный опыт быстротекущей жизни

сочетался в этом дипломате с исторической искущённостью. И последний давал ему видение углублённой перспективы, которая может быть последствием действий сегодняшнего дня.

Предположим даже, не менее графа Игнатъева, умозрительно Лобанов желал бы на Балканах большой христианской империи. Однако реальные исторические особенности развития Османской империи, заинтересованность стран Европы в её мощи и влиянии, то есть вся совокупность исторически выверенного понимания международной системы противовесов, не позволяли ему преувеличений, в конечном итоге, вредных для России. Практического, дипломатического и жизненного опыта графу Игнатъеву было не занимать, но, возможно, отсутствие исторической перспективы заставило проглядеть реальные военные силы Турции на тот момент, что повлекло за собой отставку Игнатъева? Следует добавить: как сказал Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский в устном выступлении, «Лобанов использовал идеи стратегии, созданной в России генералом Антуаном Жомини, его современником на русско-турецком фронте. Лобанов – стратег. Игнатъев – дипломат-администратор, опытный генштабист и разведчик».

В результате обдуманых действий – помимо мирного договора, условия которого были благоприятны России, – важен и другой факт: возникло самостоятельное государство, автономное Княжество Болгарское. Недаром «твёрдое мнение, что император России должен «возвратить болгарам царство», стало устойчивой формулой болгарского фольклора. Благодарность освобождённого народа отразилась во многих памятниках народного и художественного творчества [Макарова, 2006:151]. И здесь мы видим немалый вклад осмотрительной политики А.Б. Лобанова-Ростовского. Однако в XX в. нет исследования этого важного фрагмента русской истории. Лишь к периоды середины прошлого века относятся:

– *одно упоминание* А.Б. Лобанова-Ростовского в достижении константинопольского договора;

– *три упоминания* роли Лобанова в урегулировании российско-болгарских отношений [Кушнарёв, 2008: 8]

– и только недавние работы, начинающиеся с конца первого десятилетия XXI в., понемногу открывают это странное «табу» на деятельность Лобанова.

Если Сан-Стефанский прелиминарный (предварительный) мирный договор между Россией и Турцией 1878 г., подписанный графом Игнатъевым, общеизвестен, то об окончательном Константинопольском договоре, который со стороны России был подписан князем А.Б. Лобановым-Ростовским, до сих пор крайне мало упоминают. Между тем, после Сан-Стефанского договора произошли события, которые подточили его положительные результаты. А так называемый «Берлинский трактат великих держав» 1878 г. лишил Россию значительной части приобретений, которых она добилась по Сан-Стефанскому договору. Ведение дальнейших переговоров по заключению русско-турецкого соглашения осложнилось явным противодействием Турции, чувствовавшей за собой поддержку Европы, которая была настроена недоброжелательно по отношению к России, — подчёркивает И.С. Кушнарёв [Кушнарёв, 2008: 52].

В этой ситуации перед Лобановым встал ряд важных общих и конкретных задач. В инструкции Лобанову А.М. Горчаков писал: «Нам важно иметь в руках обязательство, непосредственно связывающее Турцию с Россией, независимо от её обязательств по отношению к Европе» [Кушнарёв, 2008: 49]. Чтобы решить их, помимо сказанного, новый посол должен был обладать совершенно уникальными характеристиками. Они у Лобанова оказались. Поясним: помимо общего качества — колоссально развитой способности Лобанова как дипломата налаживать отношения с людьми, ещё и конкретные редкие обстоятельства:

– *личное* благоволение и доверие императора Александра II к князю;

– уважение к нему в высших турецких кругах ещё со времени его предыдущей деятельности в качестве посла;

– расположение к нему *лично* султана Абдул-Хамида II, который сам обратился к Императору с просьбой назначить послом именно Лобанова [Кушнарёв, 2008: 48].

Только один пример. Благодаря личному влиянию, а также обдуманым и одновременно стремительным действиям Лобанову даже удалось *пресечь новый виток военных действий*, угроза которого возникла уже после заключения Сан-Стефанского договора. Летом 1878 г., после прекращения военных действий близ Сан-Стефано, русская и турецкая армии расположились напротив друг друга. Турецкий генерал Фауд-паша посчитал возведённые русскими наблюдательные вышки нарушением и потребовал у генерала Скобелева их разрушить *вечером*, предупредив о возможном приказе о наступлении и даже *выдвинув за пределы демаркационной линии* передовые войска.

Лобанов в *5 часов утра* уже был у турецкого министра иностранных дел Сервет-паша, настоял, чтобы того разбудили, сумел быстро объяснить ситуацию, убедил о нежелательных для Турции последствиях. Он добился от министра, который не мог решиться беспокоить султана, чтобы он телеграфировал об происшествии Абдул-Хамиду II. В итоге: *уже в 6 часов утра* султан телеграфировал Фауд-паше о прекращении провокационных действий [Кушнарёв, 2008: 58-59]. За превосходно выполненную службу последовали награды и от Российской, и от Османской империй:

- чин действительного тайного советника;
- орден Александра Невского с алмазными подвесками;
- а в 1880 г. ему был пожалован орден Османе 1 степени [Кушнарёв, 2008: 61].

HUMANUM EST!¹

Как конкретный пример прибавим к сказанному: в дневнике графа Ламсдор-

фа, приводится тайное письмо Лобанова, который сообщает как бы «сплетни» о семейной жизни правителя Болгарии, однако осмотрительно доводит их до сведения, ибо «лично я верю им наполовину, хотя и не упускаю из виду, что на Востоке всё возможно» [Ламсдорф, 1991, 30]. Что это, как не исторический опыт, который обостряет видение настоящего? Добавим в скобках, что сведения Ламсдорфа тем более ценны, что он испытывал сильную неприязнь к Лобанову, в интриге назначения Лобанова на пост министра МИД был противником [Голечкова, 2013: 50-53]. Вот он передаёт впечатление от Лобанова как от «хлыща... Вот результат надменных повадок князя» [Ламсдорф, 1991, 134-135]. Или приводит мнение коллеги: «Князь прекрасно сохранился, видимо, он принадлежит к людям, у которых вместо сердца камень» [Ламсдорф, 1991, 49-50]. А ведь последнее вовсе противоположно действительности. Лобанов был не только страстным игроком на международной арене, страстным учёным-исследователем и библиофилом, но и умел глубоко любить. Мы это знаем из реалий его биографии. Как известно, он бросил всё к ногам любимой, хотя в те времена его Love story была беспрецедентно скандальной. Баронесса Жюльетт де Буркне – замужняя женщина. Иностранка. Жена французского дипломата в Константинополе! Но он не отступил. [Гентшенфельбе, 2017: 72-147]. И, видимо, ни о чём не жалел, при всей привычке к деятельной энергии, назвав «счастливейшими» три года отставки, в уединении с возлюбленной [Кушнарёв, 2008: 37]. Мягкость отношения к этой истории объясняется огромной пользой, которую приносили и могли принести в дальнейшем Отечеству дипломатические способности Лобанова. Думается ещё, император Александр II, во власти сильной страсти к княгине Юрьевской, не мог не сочувствовать князю...

¹ Это человеческое – *лат., букв.*, то есть «то, что свойственно человеку».

Список литературы:

Гентшенфельбе Наталия фон. Диалектика любви / Рюрикович в XXI веке. Князь Никита Дм. Лобанов-Ростовский. Статьи, интервью, письма, рецензии. М.: Минувшее, 2017. 660 с. С. 72-147.

Голечкова О.Ю. Пустующее министерство или борьба вокруг назначения князя А.Б. Лобанова-Ростовского на пост министра иностранных дел. / Клио. Журнал для ученых. 2013. № 4 (76). С. 50-54.

Карцов Ю.С. За кулисами дипломатии. Петроград: Типография Надежда, 1908. 70 с.

Кобеко Д.Ф. Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. М., Кучково поле, 2008. 445 с.

Ковригина С.И. Дипломат и библиофил Алексей Борисович Лобанов-Ростовский / Книга в пространстве культуры. Вып. 1 (6), М., 2010. С. 29-32.

Кушнарев И.С. Жизнь и государственная деятельность А.Б. Лобанова-Ростовского. Саратовский государственный технический университет. 2008 г. : дисс. канд. ист. наук : 07.00.02 – отечественная история. 247 с.

Ламсдорф В.Г. Дневник 1894-1896. М.: Международные отношения, 1991. 456 с.

Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха. Судьба. Коллекция. М.: Русский путь, 2010. 584 с.

Макарова И.Ф. Русский царь в народных преданиях болгар / Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1875–1878 гг. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. – 172 с. С. 150-159.

Сидорова А., Исаева Е. Ларец императора Павла / Родина. 2014, № 4. С. 116-119.

Об авторе:

Фёдорова Екатерина Сергеевна – доктор культурологии, к.филол.н., профессор Кафедры теории преподавания иностранных языков ФИАР МГУ имени М.В. Ломоносова. 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: ledentu@mail.ru.

TO THE COMPARATIVE CHARACTERISTIC OF TWO DIPLOMATS: LOBANOV-ROSTOVSKY AND IGNATIEV AGAINST THE BACKGROUND OF THE RUSSIAN-TURKISH WAR

Ekaterina S. Fedorova

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

Abstracts. *Successes in Russian politics of the XIX century are significant thanks to the efforts of diplomats Alexei Borisovich Lobanov-Rostovsky and Nikolai Pavlovich Ignatieff. In studies of the XX century, they are almost forgotten. Ignatieff is an experienced tactician, a supreme professional who owns a military affair. He had diplomatic cunning. Sometimes Ignatieff showed adventurism. Basically, these qualities provided him good luck in the diplomatic field. However, Ignatieff was not enough historical knowledge. It was in diplomatic negotiations during the Russian-Turkish war of 1878-1879 that this lacuna prevented his success. He insisted on the idea of pan-Slavism, not taking into account all international factors. The diplomat did not take into account the historical features of the Ottoman Empire, Europe's interest in its power and influence, that is, the historical totality of*

the international system of counterweights. Lobanov-Rostovsky - strategist. And it was inherent evasiveness, skillful ability to convince of the correctness. However, the role of historical education in his diplomatic practice was enormous. In a more deliberate line of conduct at the conclusion of the final Treaty of Constantinople, he was helped by fundamental «background knowledge» that allowed him to adequately assess the geopolitical situation. The Prince was engaged in history from an early age. The hobby grew into professional occupations. For 16 years he published historical essays in leading historical journals. He had access to secret documents of the Russian Empire thanks to the trust of Emperor Alexander II. Lobanov used to work with primary sources. History has taught him that sometimes you need to act quickly, and in some situations, to exercise the greatest caution. In the situation of the Russian-Turkish war, he set himself only specific goals. If the San Stefano peace Treaty of 1878, signed by count Ignatieff, is well known, then the final Treaty of Constantinople, signed by Prince Lobanov-Rostovsky, is still very little mentioned. Meanwhile, after the Treaty of San Stefano, there were events that undermined its positive results. A "Berlin treatise of the great powers" in 1878 deprived Russia of a significant part of the acquisitions that it has achieved under the Treaty of San Stefano. Here Lobanov faced important General and specific tasks. To solve them, the new Ambassador had to have absolutely unique characteristics. In addition to the enormously developed ability Lobanov to build relationships with people: personal goodwill and the confidence of Alexander II; the respect in the higher Turkish circles; the location to him of the Sultan, who himself appealed to the Emperor with a request to appoint Ambassador Lobanov. The totality of personality traits and circumstances led to a convincing success, which was the final Treaty of Constantinople in 1879, which resulted in an independent state-the Autonomous Principality of Bulgaria.

Key words: *the final Treaty of Constantinople, 1879; Nicholas Ignatiev, a high Pro-military and intelligence; Alexey Lobanov-Rostovsky, bibliophile, genealogist, historian, Minister of foreign Affairs of the Russian Empire.*

References:

Gentshenfel'be N.fon. Dialektika liubvi [The dialectic of love]. *Riurikovich v XXI veke. Kniaz' Nikita Dm. Lobanov-Rostovskii. Stat'i, interv'iu, pis'ma, retsenzii* [Rurikovich in the XXI century. Prince Nikita Dm. Lobanov-Rostovsky. Articles, interviews, letters, reviews]. Moscow, Last, 2017. pp. 72-147. (In Russian).

Golechkova O.Iu. Pustuiushchee ministerstvo ili bor'ba vokrug naznacheniia kniazia A.B. Lobanova-Rostovskogo na post ministra inostrannykh del [Leading ministry or the struggle around the appointment of Prince A.B. Lobanov-Rostovsky to the post of Minister of Foreign Affairs]. *Klio. Zhurnal dlia uchenykh - Clio. Journal for scientists*, 2013, no. 4 (76), pp. 50-54 (In Russian).

Kartsov Iu.S. *Za kulisami diplomatii* [Backstage democracy]. Petrograd, Printing House Hope, 1908. 70 p. (In Russian).

Kobeko D.F. *Imperatorskii Tsarskosel'skii litsei. Nastavniki i pitomtsy* [The Imperial lyceum in Tsarskoye Selo. Mentors and fosterlings]. Moscow, Kuchkovo field, 2008. 445 p. (In Russian).

Kovrigina S.I. Diplomat i bibliofil Aleksei Borisovich Lobanov-Rostovskii [Diplomat and bibliophile Alexey Borisovich Lobanov-Rostovsky]. *Kniga v prostranstve kul'tury - A Book in the Space of Culture*, 2010, no. 1 (6), pp. 29-32 (In Russian).

Kushnarev I.S. *Zhizn' i gosudarstvennaia deiatel'nost' A.B. Lobanova-Rostovskogo: dis. ... kand. ist. nauk* [Life and state activity of A.B. Lobanov-Rostovsky. Cand.hist. sci. diss.]. Saratov, 2008. 247 p. (In Russian).

Lamsdorf V.G. *Dnevnik 1894-1896* [Diary 1894-1896]. Moscow, International Relations, 1991. 456 p. (In Russian).

Lobanov-Rostovskii N.D. *Epokha. Sud'ba. Kolleksiia* [Epoch. Fate. Collection]. Moscow, Russian way, 2010. 584 p. (In Russian).

Makarova I.F. *Russkii tsar' v narodnykh predaniakh bolgar* [Russian tsar in the folk legends of the Bulgarians]. *Rossiia i Bolgariia. K 125-letiiu russko-turetskoi voiny 1875-1878 gg.* [Russia and Bulgaria. To the 125th anniversary of the Russian-Turkish war of 1875-1878]. Moscow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2006. pp. 150-159. (In Russian).

Sidorova A., Isaeva E. Larets imperatora Pavla [Casket of Emperor Paul]. *Rodina - Motherland*, 2014, no. 4, pp. 116-119 (In Russian).

About the Author:

Ekaterina S. Fedorova – Professor, Doctor of Cultural Studies, Ph.D. in Philology, Department of Foreign Languages Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow. E-mail: ledentu@mail.ru.